

Н. В. Барковская
Екатеринбург, Россия

N. V. Barkovskaya
Ekaterinburg, Russia

**ПОСТСОВЕТСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ
НАД СОВЕТСКИМ ДЕТСТВОМ**

**POST-SOVIET REFLEXION
ON SOVIET CHILDHOOD**

(Э. Кочергин. «Крещённые крестами»;
Н. Нусинова. «Приключения Джерика»)

(E. Kochergin "Baptized with Crosses";
N. Nusinova "Adventures of Jeric")

Аннотация. Мемуарные произведения Э. Кочергина и Н. Нусиновой воссоздают разные периоды советской истории (40-е и конец 60-х гг.) и разные социальные срезы (бесправный сын врагов народа и представители московской культурной элиты). Однако память высвечивает ряд общих и, следовательно, существенных характеристик советского общества: отчужденность государственной власти, идеологическое насилие, репрессированную национальность, пренебрежение отдельным «рядовым» человеком. Вместе с тем авторы утверждают «семейные» ценности — сострадание, любовь, верность, ответственность — как норму человеческой жизни, как условие формирования сознательной и честной гражданской позиции.

Abstract. Memoirs by E. Kochergin and N. Nusinova reconstruct different periods of the Soviet history (the 40s-end of the 60s) and different social classes (a deprived of rights son of national enemies and a Moscow cultural elite representative). The memory outlines a group of general, and consequently essential, characteristics of the Soviet society: alienation of the government, ideological violence, nationalities subject to repressions, neglect of an ordinary individual. Alongside the authors point out family values — sympathy, love, fidelity, responsibility — as a norm of a human life, as a condition to form conscious and honest civic position.

Ключевые слова: мемуары; идентичность; закрытое общество; советизмы; цензура; детство.

Key words: memoirs; identity; closed society; sovietism; censorship; childhood.

Сведения об авторе: Барковская Нина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современной русской литературы.

About the author: Barkovskaya Nina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Modern Russian Literature.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
e-mail: n_barkovskaya@list.ru.

В сегодняшней России, как во всех обществах переходного типа, наблюдается кризис идентичности, вызванный «коллективной травмой», возникшей в связи с распадом советской империи (об этом писали Ю. Левада, Л. Гудков, Н. Козлова, Б. Дубин, Л. Горалик и др.). Как отмечает Н. С. Смолина [Смолина 2009: 45], отношение к недавнему прошлому у постсоветского (взрослого) человека довольно противоречивое: советское наследие либо отвергается, либо становится предметом ностальгического умиления. У подростков представление о советском прошлом самое смутное, нередко искаженное. Проблема исторической памяти, пределов реинтерпретации истории, угроза «культурной амнезии» [Полищук 2009: 133], столь остро стоящая сегодня, — это проблема формирования сознательной гражданской позиции. Забвение прошлого (наряду с недоверием к власти и слабой идентичностью) обуславливает тот феномен социального молчания, который отмечал С. Ушакин [Ушакин 2010]. Не случайно в детско-подростковой литературе на исходе первого десятилетия нового века появились книги мемуарно-беллетристического характера, авторы которых стремятся непредвзято рассказать о советском прошлом, не идеализируя его, но и не подвергая огульному отрицанию. Это, как правило, рассказы о собственном

детстве, о семье, о первых столкновениях с жизнью — как известно, в культуре «закрытых» обществ именно частная жизнь могла служить приватным пространством «открытости», хотя и в весьма ограниченных пределах. Вспоминая прошлое, авторы воспроизводят характерный социальный дискурс, воспринимаемый с позиций сегодняшнего дня как язык, отчужденный от личности ребенка (поскольку родители дома говорили по-другому), но воспроизводящий идеологическую структуру советского общества. Данный аспект также актуален, так как сегодняшняя речь ребенка, наполненная рекламными слоганами, не менее отчуждена от него, навязана массовым обществом потребления. В одной из пьес К. Драгунской [Драгунская 2009: 35—36] есть образ ребенка, существующего полностью в «телереальности», не способного к адекватному общению со взрослыми, выпадающего из коммуникативной ситуации:

Дронова. Мальчик, хочешь яблоко?

Женщина (мальчику). Что надо сказать?

Мальчик (вскрикивая). Фирма «Ого» не подводит! У «МММ» нет проблем!

Женщина (в ужасе). Господи, опять!.. Кузя! Кузенька... Ты меня слышишь? Перестань, успокойся, милый...

Мальчик. Это Россия. Это совокупное достояние России. Это мы. Это сто шестьдесят миллионов...

Женщина (Дроновой, доверительно). Нездоров он у меня. Заболевание такое непонятное... <...> И слова человеческого от него не дождешься. Приступы какие-то...

Мальчик. Ваш ребенок плачет в ванной? Забудьте об этом! Шампунь «Джонсонз бэй беби»... <...> Просто мы работаем для вас. <...> Посмотрите, как он нравится собаке, посмотрите, в какой она форме! <...> Фирма «Партия». Вне политики, вне конкуренции... <...> Как не повезло яблоку, как повезло вам!

Идентичность не формируется изнутри однородной среды, необходимо знание и сопоставление себя с «другими», в избранном нами случае — с реалиями и дискурсами советской эпохи. (Разумеется, авторы ставили перед собой разные задачи, обращались к разной аудитории, что отразилось на жанрово-стилевом своеобразии их произведений, но для нас сейчас важна общая установка на воспоминания о собственном детстве.)

Э. Кочергин и Н. Нусинова вспоминают разные периоды истории: 40-е и 60-е гг. Повествование в книге Кочергина начинается в 1937 г., когда был арестован отец Степан («за кибернетику») и родился сам Эдуард; в 1939 г. была арестована мать-полячка (за «шпионаж»), мальчик отправлен в детский приемник НКВД под Омском, откуда он бежал летом 1945 г, чтобы вернуться в родной Ленинград — без денег и документов, ребенок добирался до Ленинграда шесть долгих лет; заканчивается книга встречей с матерью в 1951 г. В книге Нусиновой период «застоя» характеризуют такие реалии, как дефицит продуктов и товаров, партсобрания и отчетные доклады съездов, «глушилки» вражеских «голосов», невозможность свободного выезда за границу и осуждение «невозвращенцев». Дедушка пишет письма Брежневу, начинающиеся словами: «Молодой человек, вы идете по неправильному пути...»

Герои выбранных произведений принадлежат к абсолютно разным социальным слоям: сын врагов народа, отщепенец, бродяжка и поездной вор, постигший трудную науку выживания, на протяжении всего повествования лишенный собственного имени (сверстники зовут его «Степаныч» и «Тень»), — и внучка старого большевика, дочь киносценариста, москвичка, названная Натальей в честь героини Л. Толстого, основное огорчение которой — нежелание родителей завести собаку (вместо нее купили утят, оставленных по осени на даче в Кратово). Тем не менее это — разные периоды и разные слои одного, советского общества, поэтому в произведениях обнаруживаются сходные «точки памяти». Не случайно в обеих книгах воспроизводится карта СССР.

Оба автора — представители современной творческой интеллигенции. Эдуард Кочергин, главный художник Большого драматического театра им. Г. А. Товстоногова, Заслуженный деятель искусств, действительный член Российской академии художеств, лауреат государственных и международных премий, написал в

возрасте 72 лет свои «записки на коленках» — книгу «Крещённые крестами», ставшую лауреатом премии «Национальный бестселлер» в 2010 г. Наталья Нусинова — кинокритик, дочь киносценариста Ильи Нусинова (по его сценариям сняты фильмы «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», «Внимание, черепаха!» и др.), внучка литературоведа И. М. Нусинова; другой дед — персональный пенсионер союзного значения, старый большевик. Ее книга, адресованная «детям, которые любят собак и взрослым, которые все понимают», переведена на французский, итальянский, испанский и португальский языки. Оба автора посвящают книги памяти самых дорогих людей (матери, родителей, бабушки...), оба стремятся как можно точнее воспроизвести прошлое. Э. Кочергин указывает в предисловии: «...это записки про времена, когда вся страна была поставлена на колени. <...> это фрагментарные воспоминания пацанка, которому досталось прожить под победоносные марши в бушующей совдепии со всеми ее страшноватыми фиглями-миглями, как и множеству других подобных, немалое количество лет» [Кочергин 2009: 5]. Наталья Нусинова предупреждает: «...я стремилась передать с максимальной достоверностью <...> характеры людей, отношения, атмосферу той, ушедшей жизни, в которой многое было неправильно, смешно и дико, но вместе с тем кое-что оттуда мне очень дорого» [Нусинова 2009: 6]. Достоверность воссоздания эпохи подчеркивается помещенными в книги фотографиями из личных архивов, а в книге Кочергина есть еще и тексты популярных песен о Сталине, фотографии вокзалов, солдат, эпизодов эвакуации, видов провинциальных городов, Ленинграда и др. Приводятся и детские фотографии самих авторов книг.

Несмотря на то что герои рассматриваемых книг относятся к противоположным социальным полюсам («низы» и «верхи»), в рассказанных историях можно обнаружить совпадающие моменты, которые будут характеризовать существенные признаки советской системы на разных этапах ее истории. Так, герои обеих книг сталкиваются с национализмом, проявлением ксенофобии. Бронислава Одынец («Крещённые крестами») репрессировали по обвинению в шпионаже именно потому, что она полячка. Мальчик, оказавшись в детприемнике НКВД, стал предметом насмешек («Что змеей пшекаешь, говори по-русски!»), замолчал и надолго забыл родной, польский язык. Наташу («Приключения Джерика») две сплетницы во дворе допрашивали, какой она национальности. Девочка ответила, что она москвичка. «Не-ет, — засмеялась трамвайщица. — Вот мама-то у тебя русская. А папа-то у тебя еврей!» Дома бабушка почему-то перепугалась, начала девочкам заплетать косы, приговаривая: «Да русские вы! Запомните раз и навсегда!» Однако дедушка (старый большевик) заметил: «Толку-то что.

Разве убережешь? Ты сама посмотри на них. Это ж прямо-таки Шолом Алейхем!» (73—74). И девочкам рассказали, что второго их деда, Исаака Марковича, репрессировали за книгу «Пушкин и мировая литература», обвинив в космополитизме, он и умер в тюрьме. Девочка спрашивает у бабушки, за что дедушку посадили. «Еврей он был», — объяснила бабушка. «А за это что, в тюрьму сажают?» — «Профессор он был». — «И за это сажают?» — «Ну что ты пристала, — рассердилась бабушка. — У нас за все сажают!». То, что звучит гиперболой в устах бабушки в книге Нусиновой, имеет буквальный смысл в материнском предостережении в финале книги «Крещённые крестами»: «Сын, будь осторожен, никому не говори, что с нами было. В этой стране легче посадить человека, чем дерево» (228). Илью (отца девочек) выгнали с работы как сына врага народа, но он от отца не отрекся, потом пошел на фронт добровольцем. В книге Кочергина рассказывается, что однажды в челюбинский детприемник привезли «фашистиков» — тощих детей, почему-то хорошо говоривших по-русски. Потом мальчик узнал, что это дети поволжских немцев, чьих родителей выслали в Казахстан.

Шовинизм показан именно как государственная политика. В «Крещённых крестами» мальчику помогали и казахи, и «лесной человек» Хантый, и китаец Ляо, и эстонец Томас Карлович, и жители Вологодчины — национальной отчужденности в простом народе нет.

Другой совпадающий момент — цензура, ограничивающая творческую свободу. Герой «Крещённых крестами», прося милостыню на перронах у военных, возвращающихся с фронта, выгибает из проволоки профили вождей — Ленина и Сталина, а его слепой друг в это время поет. Военные хвалят, щедро кормят ребят. Но уже в омском детприемнике начальница по кличке Жаба, рисовавшая портреты Сталина для местных военных чинов, сказала мальчику, чтобы он не смел гнуть профили вождей. Позднее на одном из вокзалов это занятие категорически запретил подошедший милиционер. Наконец, в вологодском детприемнике (уже в 1950-м г.) директор посадил мальчика в карцер, крича: «Я запрещаю тебе, мелкий преступник, прикасаться к образу вождя. Кто ты такой — отщепенец, сын отщепенцев! Какое ты имел право изображать вождя проволокой? Образ великого Сталина могут создавать только заслуженные товарищи-художники!» (198). Фильмы по сценариям Ильи Нусинова кладут на полку, их запрещает цензура (29). Он и его соавтор Семен Лунгин были «подписанты», т. е. подписали коллективное письмо в правительство в защиту инакомыслящих, из-за этого они долго оставались без работы. И вот они написали «добрую и невинную комедию» — «Внимание, черепаха!». Автор (бывшая девочка Наташа, от лица которой написана книга) комментирует: «Каково же было всеобщее удивление,

когда в Министерстве кинематографии начали говорить, что „Внимание, черепаха!“ — это наверняка намек на недавние события в Чехословакии: фильм про то, как большой советский танк пытается раздавить своими гусеницами маленькое беззащитное существо, название которого начинается на букву „Ч!“» (148).

Авторы обеих книг видят антинародную сущность государства. У Кочергина при изображении культа личности Сталина сочетаются трагедия и сатира. Малыши в ДП под Омском наивно рассуждали: «Вожди могут быть людьми или должны быть только вождями, и обязательны ли им усы? — Кто лучше: шпион или враг народа? Или одинаково все это? Мы же — все вместе. <...> Почему товарищ Ленин — дедушка? Ведь у него не было внуков. Может быть, потому, что у него борода, или потому, что он умер? — Товарищ Сталин — друг всех детей. Значит, и наш друг?» (16). Постепенно к мальчику приходит понимание истинного положения вещей. В финале рассказчик разглядывает роскошный портрет Сталина в ленинградском отделении милиции («энкавэдешном парадняке») на площади Урицкого (Дворцовой): у него был «знакомый мне улыбатый прищур мокрушника» (222). Сама площадь с аркой Штаба напоминала парадный китель главного военного прокурора (226). Таким образом, центр Ленинграда, некогда — центр Российской империи, ассоциируется у мальчика с государственным насилием: «По нашим пацанским понятиям, прокурор — самый главный начальник над человеками, как царь, но цари отошли в сказку, а прокуроры остались. В блатном мире их кличут дворниками. Может быть, в честь этих дворцов, где они паханствуют?» (220).

В книге Нусиновой, действие которой отнесено к 60-м гг., ирония мягче (да и адресована книга детям), но направлена не только в адрес культа Сталина, но и советского проекта в целом. Иронично изображен дедушка, старый большевик, которому хотелось бы выглядеть грозным и значительным, но которого легко усмиряет бабушка. Или, например, смешной эпизод разговора дедушки с коммунистами из Ташкента. Дед спрашивает, как обстоят дела у них в партачейке, есть ли отдельные перегибы. Улыбающийся узбек заверяет: «Конечно есть, как можно, чтоб не было! У нас в Узбекистане все есть». «И какие же именно?» — волнуется дедушка. Гость перечисляет: «Спелые, сочные...» (72). В конце книги приводится «Список трудных и советских слов», где реалии советского прошлого комментируются сначала с точки зрения ребенка, а потом (курсивом) с постсоветских позиций автора, например: «„Центральное отопление“ — это если не сам себе печку топишь, а топят где-то там, наверное, в КОМПАРТИИ (их потому так и называют — ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ), — они себе топят, а у людей от этого раскаляются батареи и болит голова» (136). Или: «Партсобрание — это

когда старые или не очень старые большевики собираются вместе, чтобы обсудить партийные вопросы, и одни выступают, а другие в это время спят или тихонечко ссорятся друг с другом» (146).

В обеих книгах отмечается закрытость советского общества: родители Наташи ликуют, получив уникальную возможность поехать вдвоем в «полукапиталистическую» Югославию; конечно, им пришлось пройти «выездную комиссию», на которой «с треском проваливали» тех, кто не знал наизусть отчетный доклад съезда или число ордеров комсомола, а выпускали только тех, кто сможет дать отпор буржуазной пропаганде (159). Гораздо более жестко сказано в книге Кочергина — характеризуя субординацию в детской колонии, рассказчик говорит, что она организована по принципу «Крестов» — знаменитой питерской тюрьмы: пахан — воры в законе — ссучившиеся воры — шестерки — фраера — петухи-парашники, а затем добавляет: «Все как в настоящем государстве...» (209). Автобиографический герой книги бежит и бежит из приемников, похожих на детские тюрьмы, бежит на волю, домой. Правда, как мы уже отмечали, в центре Ленинграда он видит «энкавэдешный парадняк».

В закрытом обществе формируется свой жаргон, свои дискурсы, отражающие практику коммуникативного насилия.

С началом своих мытарств мальчик в книге Кочергина забывает польский язык. В детприемнике он долго не говорит по-русски, и первыми его словами стала нецензурная брань, адресованная хулигану, пытавшемуся завладеть в столовой порциями голодных сирот. Потом мальчик пересек самые разные регионы взбодораженной войной страны (Сибирь — Казахстан — Курган — Челябинск — Кыштым — Уфалей — Молотов (Пермь) — Киров (Вятка) — Вологда — Тарту — Ленинград), встречался с самыми разными людьми, на зиму оказывался каждый раз в новом детприемнике. И везде универсальным языком общения, в том числе и с надзирателями, оказывалась «феня» — воровской жаргон. Пригодилась феня и потом, во время жизни на Васильевском острове, среди деклассированных людей «дна», поскольку отбывшая заключение мать не могла найти работу. В пронзительную сцену встречи матери с сыном, после 12 лет разлуки, вмешивается «чистенький капитан» милиции: «Что ты ему пшекаешь? Ботай с ним по фене, он в этом языке больше разбирается». И мать, оставив польский язык, нарочито вежливо спросила капитана: «А вы, гражданин начальник, на моего пацанка какую-нибудь ксиву дадите?» (225).

Не менее отчужденным от нормального человеческого общения выглядят в книге Нусиновой советизмы, выделенные в тексте и иронически поясненные в «словарике», помещенном в конце книги. *Коммуналка, уплотнение, примус, дефицит, сознательность, несознатель-*

ные элементы, октябрюта, тимуровцы, ЦК, съезд партии, партсобрание, Устав партии, Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, воздействовать, поставить в пример, прояснить ситуацию, сын врага народа, космополитизм, проявить инициативу, общественное благо — эти слова непонятны современным детям, как, впрочем, не были понятны и Наташе, выписывавшей их в особую тетрадку.

Наконец, главной ценностью в обеих книгах представлен мир семьи, где людей связывают любовь и забота, тот «кокон шелкопряда», по выражению Нусиновой, который окружает детей в семье и защищает потом во взрослой жизни. Дома говорят на родном языке: таковы поговорки и народные словечки, обращения к Богу в речи бабушки — верной жены старого большевика; страшную «выездную комиссию» мать Наташи смогла пройти именно благодаря человеческому общению с ее членами, в которых она увидела просто старых и не очень счастливых людей; на ласковом польском языке матери Эдуард вдруг заговорил в беспамятстве, избиваемый надзирателями, и это неожиданно спасло ему жизнь. В книге Нусиновой пес Джерик нашел новых хозяев, новую семью; мальчик в книге Кочергина снова обрел мать. Последняя фраза в книге Н. Нусиновой гласит: «А семья — это, что ни говори, такая ответственность!..» (133).

Таким образом, воспоминания о советском детстве, столь различные по содержанию и тональности, одинаково опровергают идею социальной однородности советского народа, показывают, насколько сложной и внутренне противоречивой была та эпоха, утверждают приоритет общечеловеческих нравственных ценностей. Живая связь поколений и память — способы формирования честной и сознательной личностной позиции, механизмы социализации постсоветского человека.

ЛИТЕРАТУРА

Драгунская К. В. Пить, пить, плакать: пьесы. — М.: Время, 2009.

Кочергин Э. Крещённые крестами: записки на коленках. — СПб.: ВИТА-НОВА, 2009 [страницы по этому изданию указываются в тексте статьи].

Нусинова Н. Приключения Джерика: автобиографическая повесть. 2-е изд. — М.: Самокат, 2009 [страницы по этому изданию указываются в тексте статьи].

Полищук Я. А. Калькуляция советского прошлого в современной украинской беллетристике // Советское прошлое и культура настоящего: моногр.: в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова; Урал. ун-т. — Екатеринбург, 2009. Т. 1.

Смолина Н. С. Советская эпоха в современном интернет-пространстве: проблематизация коллективной идентичности поколения тридцатилетних // Советское прошлое и культура настоящего: моногр.: в 2 т. / под ред. Н. А. Купиной, О. А. Михайловой; Урал. ун-т. — Екатеринбург, 2009. Т. 1.

Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // НЛЮ. 2010. № 100.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Н. Б. Руженцева и доцент М. Б. Ворошилова